

Обман... это что, оживший мертвец?

Фэй Цзинь, развернувшись, в два счета обхватил Шао Цзюсяо и, спрятавшись у него за спиной, осторожно высунул лишь половину головы. Дрожащим голосом он произнес:

— Что же делать... Бессмертная Светлой Луны не упокоилась с миром, превратилась в зомби!

Этот юный герой ничего не боялся: ни демонов, ни призраков, — но всю жизнь панически страдал перед зомби, особенно перед зомби женского пола.

И во всем виноват Шэнь Кунмин! В детстве, стоило Фэй Цзиню отказаться спать, как тот принимался рассказывать страшные истории о короле зомби, что по ночам выбирается из глухих гор, чтобы ловить детей, пить их кровь и грызть плоть. Причем Шэнь Кунмин отличался весьма специфическим чувством юмора: он не просто рассказывал, а делал это настолько красочно, что еще и сопровождал всё это имитацией того, как зомби ест ребенка, с жутким звуком «хруст-хруст», перемалывая кости. Это стало для Фэй Цзиня настоящей детской травмой.

Шао Цзюсяо поспешно накрыл ладонью его руку, вцепившуюся в собственный пояс, похлопал для успокоения и негромко прошептал:

— Не бойся, никаких зомби здесь нет.

На самом деле, на этом погосте, полном усопших и пронизанном ледяным ветром, даже Ночной демон чувствовал себя не в своей тарелке, что уж говорить о странных звуках, только что донесшихся из могилы.

Но перед лицом Фэй Цзиня, который так редко бывал в панике, разве мог он упустить шанс продемонстрировать свою мужскую доблесть? Даже если ему самому было немного не по себе, и он был готов задрожать от страха, он должен был играть роль того, для кого все эти зомби — сущие пустяки, по сравнению с его величием.

Увы, утешение не возымело эффекта. Фэй Цзинь яростно мотал головой, тыкая пальцем в бок Шао Цзюсяо, и таинственным шепотом вещал:

— Есть! Есть много зомби! Они больше всего любят использовать человеческие черепа вместо чаш, чтобы пить вино из дохлых дождевых червей!

Едва он договорил, как из могилы Чу Цзы раздался окрик:

— Это ты сам зомби! И вино из дохлых червей сам пьешь!

Вслед за руганью послышался ритмичный стук — нет, это был не стук в дверь, это был звук, с которым кто-то колотил по крышке гроба изнутри. Тук-тук-тук, тук-тук-тук. С каждым разом всё громче, с каждым разом всё сильнее.

К счастью, это был стук, а не скрежет длинных ногтей по крышке гроба, способный пронзить душу острым, резким звуком. Иначе в эту минуту даже великий герой Шао, скорее всего, сошел бы с ума.

Сейчас же он еще мог одной рукой выхватить Меч Беспутства и, прихватив Фэй Цзиня, отступить назад. Не успели они отойти на несколько шагов, как увидели, что свежееустановленное надгробие содрогнулось от силы удара снизу и перекошилось: иероглифы

«могила» вместе с подписями Чу Жун и Ван Чаоши ушли в грязь, и только четыре иероглифа — «Любимая дочь Чу Цзы» — сиротливо лежали под белым ритуальным полотном.

Фэй Цзинь уже хотел было сказать: «Сяо Хун, давай бежать!», но фраза, вырвавшаяся из горла, превратилась лишь в короткий испуганный крик: «А-а!», потому что на холмике могилы внезапно возник странный бугор. Затем прогремел глухой, похожий на раскат грома звук, и черный продолговатый предмет был выброшен наружу — с громким «хлоп» он упал прямо к ногам героев.

Это была крышка гроба — та самая, которую они уже не раз видели в главном зале Саньфэньу.

— Я... ты... — юный воин Фэй изо всех сил сжимал свой верный тяжелый меч и полу одежды Шао Цзюся. Язык у него заплетался, и он мог лишь беспомощно смотреть, как бледная изящная рука показалась из могилы, уцепилась за край гроба, и оттуда, тяжело пыхтя, кто-то выбрался.

Да, именно пыхтя — юная девушка в полностью розовом одеянии с трудом вылезла из могилы. Прическа растрепана, лицо в пыли и грязи, а вид — крайне угрюмый.

— Зомби тоже бывают такими красивыми? — выпалил Фэй Цзинь. Наставник ведь говорил, что они должны быть высокими и крепкими, с черными лицами, белыми волосами, глазами как медные колокола, пастью до ушей, длинными когтями и острыми зубами, способными проглотить ребенка одним укусом!

Чу Цзы закатил глаза, отряхивая ненавистную грязь со своего наряда:

— Скажешь еще раз про зомби — пожалеешь! Эта девушка... тьфу, то есть, этот господин побьет тебя так, что родная мать не узнает. Постой, ты... тот самый бандит с большой дороги? Почему ты здесь? А ты кто такой? — он перевел взгляд на Шао Цзюся, и его глаза блеснули.

В конце концов, людей, которые были бы красивее него самого, существовало не так уж много.

Шао Цзюся к этому моменту уже пришел в себя. Он окинул Чу Цзы оценивающим взглядом, погладил Фэй Цзиня по голове и с улыбкой сказал:

— Не бойся, юный воин Фэй, это не зомби. Это госпожа Чу... кхм-кхм, это господин Чу, он не умер.

— Не умер?

— Истинная правда. — По крайней мере, сейчас Чу Цзы тяжело дышал, его грудь вздымалась, вряд ли мертвецам нужно дыхание. К счастью, никто не дежурил у могилы, иначе завтра в Янчжоу поползли бы слухи о том, как первая красавица города, не упокоившись, превратилась в мстительного призрака и выбралась из загробного мира, чтобы сводить счеты.

Он усмехнулся и представился:

— Я Шао Цзюся, в мире Цзянху меня называют «Ночной демон». А это — юный герой Фэй Цзинь. Полагаю, господин Чу с ним знаком.

«Эх, — подумал он, — хоть я и знаю, что Чу Цзы — мужчина, но, видя эту "Бессмертную Светлой Луны" в розовом платье и с очаровательной прической, трудно так просто изменить привычку обращаться к нему как к даме».

Чу Цзы, очевидно, слышал имя Шао Цзюся. Он подозрительно спросил:

— Ты — Ночной демон? Почему вы двое оказались здесь посреди глубокой ночи?

Он предполагал, что кто-то может дежурить у могилы, и собирался грациозно выбраться из гроба, эффектно вырубить незваных гостей и столь же грациозно удалиться. Но он никак не ожидал, что долгий сон в гробу так его изматывает: на то, чтобы выбить крышку и землю, ушли все силы, так что выбираться пришлось в крайне жалком виде.

Одно дело — выползти на четвереньках в полном беспорядке, когда вокруг никого нет, и совсем другое — оказаться на глазах у двух мужчин. От этой мысли Чу Цзы был готов убить их на месте.

Услышав, что перед ним не зомби, Фэй Цзинь тут же сменил тревогу на радость, отбросил весь страх и, сияя от радости, поспешил к нему, чтобы завести дружбу:

— Госпожа Чу, так вы не умерли! Я думал, что больше никогда не смогу с вами сразиться, и очень огорчился.

Шао Цзюся почувствовал, что дело принимает скверный оборот, и невольно прикрыл лицо рукой.

Как и следовало ожидать, Чу Цзы в ярости воскликнул:

— Какая я тебе госпожа?! Кто с тобой собирается сражаться?!

Выпалив это, он вдруг осекся: «Бессмертная Светлой Луны» считалась покойницей, и он мог бы начать новую жизнь под другим именем, сменив облик. А теперь его застукали вылезавшим из гроба — все старания насмарку!

Половина ночи уже миновала, кругом царила тишина, и, не считая нескольких тусклых фонарей у ограды кладбища, вокруг была непроглядная тьма.

Фэй Цзинь, который и так плохо видел выражение лица Чу Цзы, продолжал в недоумении:

— Ой-ой, я забыл, что вы не девушка. Слушайте, господин Чу, почему у вас сегодня такой характер, совсем не такой, как когда мы только познакомились?

Разумеется, характер был другим! Раньше ему приходилось осторожно играть роль «Бессмертной девы Светлой Луны», «дочери главы Саньфэнь», «ученицы седьмого цветка», «блистательной старшей наставницы» и «первой красавицы Янчжоу». Каждый шаг и каждое слово должны были соответствовать образу идеальной девушки. Как он мог вести себя так, как сейчас, когда наконец-то сбросил оковы?

«Ах, как давно я хотел сказать это "этот господин"!» — подумал Чу Цзы.

— Не девушка? Господин Чу? — лицо Чу Цзы помрачнело. — Что тебе известно?! — «Что случилось? Неужели в плане была ошибка, и все раскрыли его тайну?».

Шао Цзюся, наблюдая за переменами в настроении Чу Цзы, понял, что тот встревожен. Если дать Фэй Цзиню и дальше продолжать этот бессвязный разговор, то через минуту Чу Цзы вскипит от гнева и, забыв обо всем, начнет драку, в которой они обменяются сотнями ударов.

...Впрочем, если это случится, Фэй Цзинь, скорее всего, останется только счастлив.

Но Ночному демону совсем не хотелось устраивать поединок на кладбище. Он с улыбкой притянул Фэй Цзиня к себе и шагнул вперед:

— Господину Чу не стоит волноваться. Мы здесь, потому что ваша матушка приняла юного воина Фэя за убийцу и пригласила в гости в Саньфэнью.

Рассказав в подробностях обо всем, что произошло в Саньфэнью за последние дни, он наблюдал, как лицо Чу Цзы выражает крайнее изумление и постоянно меняется. Когда речь зашла о чашке женшечного чая, отравленной Чу Жун, — причине «смерти» Чу Цзы, — юноша в розовом платье Саньфэнью печально опустил глаза и тихо вздохнул.

Миловидный юноша поправил волосы, повернулся к Фэй Цзиню и низко поклонился:

— Моя матушка пыталась сделать вас козлом отпущения. Я прошу за нее прощения, надеюсь, вы не станете держать зла.

Фэй Цзинь кивнул. Он ведь и пришел, чтобы наживать врагов, так что обижаться на такое не было смысла. Однако...

— Но глава Чу вас отравила, как же вы выжили? Может, яд испортился? А может, она вовсе не хотела вас убивать, а просто дала снадобье, вызывающее мнимую смерть, чтобы вы могли выбраться из гроба?

Он вспомнил, как в Саньфэнью Чу Жун просила его помочь в расследовании — те глаза, та скорбь по утраченному ребенку... Это никак не могло быть притворством.

Чу Цзы помолчал, затем тихо, с горькой усмешкой, покачал головой:

— Это была не ее милость. Просто я не выпил тот чай.

— А?

— Потому что всё это с самого начала было не ее игрой, а моей.

Ситуация резко переменилась.

Подобно тому, как Чу Жун и Ван Чаоши боялись разоблачения личности «Бессмертной девы Светлой Луны», так и Чу Цзы, едва осознав, что он не «девушка» в истинном смысле этого слова, перестал мириться с подобной жизнью.

Он жаждал свободы, жаждал быть самим собой, жаждал жизни без оков, без необходимости притворяться и носить маски.

А еще он жаждал друзей, которым можно открыться.

Но Саньфэнью был огромной клеткой, а пост главы — оковами из чистого золота, которые сковывали и Чу Жун, и его самого. Они оба были добычей в этой великой темнице, вынужденные балансировать на лезвии ножа власти.

Чу Цзы хотел вырваться, но не мог. Если бы он позволил себе стать самим собой, весь клан Чу и всё Саньфэнью содрогнулись бы, а труды его матери, возводимые годами, были бы обращены в прах.

Ему оставалось только терпеть и играть свою роль — год за годом. Он даже узнал, что в

специи, которые давал ему отец, добавляли снадобье, мешающее взрослению, и тайком избавился от них, но было уже поздно, его рост навсегда застыл на отметке чуть более шести чи.

— Я думал, этой жизни не будет конца, но внезапно обнаружил, что матушка беременна.

Чу Цзы, в отличие от Ван Чаоши, всегда был внимателен к мелочам. Он быстро заметил перемены в поведении Чу Жун и всеми силами выведал тайну ее беременности.

Это был идеальный шанс.

Все эти годы Чу Цзы прекрасно понимал, сколько подводных камней скрыто в Саньфэньу, сколько людей плетут интриги и сколько сил мечтают о его смерти. И вот, воспользовавшись беременностью Чу Жун, он выстроил план: спровоцировать всех заговорщиков, и в тот момент, когда они решатся на действие, инсценировать собственную смерть и обрести свободу.

Стоило кому-то сделать шаг, и его гибель выглядела бы закономерной и безупречной.

— Я тайком практиковал «Искусство дыхания черепахи», матушка об этом не знала. Но я не ожидал... что в итоге рукой, которая нанесет удар, будет она сама.

Фэй Цзинь изумился:

— Но глава Чу говорила, что ты был таким послушным и покладистым.

— Многие родители в Поднебесной уверены, что знают своих детей, но на самом деле они знают лишь ту сторону, которую им хочется видеть.

В конце концов, разве может у солнечного света не быть тени?

Однако и мудрец в тысяче расчетов допускает одну ошибку.

Хотя Чу Цзы было всего шестнадцать, искаженная среда, в которой он рос, закалила его характер: он научился терпению, глубокому анализу, умению планировать и не боялся использовать человеческие сердца как игру, а себя — как наживку. Но, вероятно, даже он сам не мог предвидеть, что роковой клинок, направленный в его сердце, будет принадлежать его родной матери.

Юноша, все еще одетый в девичьи одежды, глубоко вздохнул:

— Возможно, она всегда ненавидела меня. Ненавидела за то, что я мужчина.

Порой даже он сам не переставал думать: как было бы хорошо, будь он девушкой. Если бы он был дочерью, Чу Жун, наверное, любила бы его. Искренне любила. Должно быть, это прекрасное чувство.

Видя, что Чу Цзы помрачнел, а на лице его читается скорбь, Шао Цзюся жестом попросил Фэй Цзиня больше не расспрашивать и тихо спросил:

— Ты собираешься вернуться в Саньфэньу?

Это был глупый вопрос. Было ясно, что Чу Цзы, пройдя через столько страданий, чтобы вырваться оттуда, теперь отправится в широкий мир, чтобы жить свободно и беззаботно.

— Больше никогда. С этого дня в мире нет никакой Бессмертной девы Светлой Луны.

— Хорошо. Тогда сегодня я и юный воин Фэй никогда не видели никакой Бессмертной девы Светлой Луны. Господин Чу, пусть твой путь будет подобен дракону, уходящему в океан, и пусть исполнятся все твои желания.

— Благодарю.

Обычно после столь торжественного прощания стороны должны были красиво развернуться и уйти, оставив после себя лишь интригующие силуэты.

Однако...

— Пойдите! Сначала помогите мне вернуть на место гроб и присыпать землей, иначе утром, если кто увидит, это действительно будет выглядеть как оживший мертвец.

Позже, согласно слухам от стражников кладбища, очнувшихся в полузабытьи, над могилой Бессмертной девы Светлой Луны пол-ночи раздавались странные звуки «пых-пых». Жители Янчжоу поговаривали, что душа первой красавицы не упокоилась и бродит по погосту, ища себе в мужья какого-нибудь книжника. Это привело к тому, что многие мужчины по ночам стали шататься у кладбища, пока Чу Жун не усилила охрану.

Гостиница «Золотой прииск».

Хозяин гостиницы с постным лицом лично принес в дворик поднос с маньтоу, двумя мисками рисовой каши и несколькими закусками. С видом угодливого слуги он заискивающе обратился к постояльцу:

— Ва... ваше величество, не желаете ли откусать кашки? Лучший рис во всем городе, только что сварен, гарантирую — пальчики оближешь!

Фэй Цзинь, только что завершивший сотую тренировку меча и проголодавшийся, радостно принял угощение и вежливо поблагодарил:

— Хозяин, вы такой добрый!

Хозяин почувствовал, что его глубоко оскорбили, но пожаловаться было некому. Его тоска была сравнима разве что с поеданием трех мисок желчи подряд — еще несколько дней назад он с гордостью вел воительниц из Саньфэнью на захват этого человека, и даже ставил его в пример своим подчиненным, обучая, как не терять самообладания в опасности. Кто бы мог подумать, что всего через пару дней этот «злой дух» вернется обратно.

Кто бы мог подумать, что даже Саньфэнью не сможет его удержать.

Мало того, что он вернулся — хозяин гостиницы был готов к мести со стороны разбойников, в конце концов, через восемнадцать лет он снова стал бы молодцом. Но этот грозный человек его не бил, не ругал и не убивал, а вместо этого поселился в гостинице и день и ночь доводил его до иступления.

Хозяин понял: этот парень не только жесток, но и злопамятен. Он просто хочет до смерти напугать его, чтобы тот не мог спать ни днем, ни ночью, а сам при этом хитро усмехается из-за спины. Омерзительно, терпение хозяина лопнуло.

Решив не терпеть больше, он, пользуясь случаем доставки завтрака, набрался храбрости, выпрямил спину и с грохотом рухнул перед Фэй Цзинем на колени, крепко обхватив его за ногу, завыл:

— Ваше величество... когда же вы уедете... У меня жизнь одна, пощадите же вы нас...

— А? — Фэй Цзинь посмотрел на внезапно появившийся на ноге «человеческий груз» и не понял, что происходит. Неужели этот человек спрашивает, когда он уедет, потому что не хочет расставаться?

Юноша поспешно поднял его и заботливо утешил:

— Старший брат, не печалься. Хотя я и не могу больше оставаться, Янчжоу — прекрасное место, и при первой же возможности я обязательно вернусь.

Подумав, он добавил:

— И когда вернусь, ни в какую другую гостиницу не пойду, только сюда.

— ... — «Бам».

— Люди! Хозяин в обморок упал!

— Скорее... скорее зовите лекаря!

— Ты, и ты, идите сюда, помогите поднять хозяина, быстрее!

— Хозяин, хозяин, держись! У тебя дома восьмидесятилетняя матушка и трехлетний ребенок, нельзя же так ухаживать!

Фэй Цзинь в недоумении почесал ухо, посмотрел на свой «меч» в руках и подумал: почему у всех людей внизу есть восьмидесятилетняя матушка и трехлетний ребенок? Неужели это какой-то местный обычай?

— Хе-хе. — Позади раздался легкий смешок. Из комнаты, неспешно заложив руки за спину, вышел Шао Цзюсяо. Он был одет в красный наряд, плотно облегающий талию. Его длинные волосы были собраны на затылке, а от него веяло свежестью и легким цветочным ароматом — видимо, он только что вымыл голову.

Фэй Цзинь в каком-то полузабытии почувствовал, что фигура Шао Цзюсяо как будто изменилась. Он уже хотел было приблизиться, чтобы рассмотреть получше, но вдруг что-то вспомнил и поспешно достал Кристалл Яньцзин.

Стоило взглянуть — и его глаза мгновенно загорелись. Он прямо и без обиняков выпалил:

— Ой, Сяо Хун, я раньше думал, что люди внизу, в мире Цзянху, носят странную одежду, совсем не такую просторную и удобную, как у меня. Но сейчас смотрю на тебя в таком наряде, и, кажется... очень даже неплохо.

Особенно эта талия — так и подмывало протянуть руку и потрогать.

Шао Цзюсяо увидел, что Фэй Цзинь, подняв жемчужину, приближается всё ближе и ближе, едва не ткнув её прямо в талию, и, невозмутимо перехватив запястье собеседника, ответил:

— Если тебе нравится, в другой раз закажем и тебе пару комплектов. Уверен, на тебе они будут смотреться даже лучше.

Так, обмениваясь любезностями, они начали рассыпаться друг перед другом в комплиментах, не обращая ни на кого внимания. Хорошо, что никто этого не слышал, иначе люди закатили бы глаза так сильно, что у них случился бы спазм.

Поболтав чепуху добрую половину дня, Ночной демон всё же попытался вернуться к сути:

— С делами Саньфэньу покончено. Ради твоей же безопасности лучше немедленно покинуть Янчжоу. Не подскажешь, куда молодой воин Фэй собирается направиться дальше?

При упоминании об этом Фэй Цзинь помрачнел. Его цели спуска с горы были просты: во-первых, стать врагом мира боевых искусств и довести мастерство до уровня «один шаг, одна смерть»; во-вторых, найти для наставника лекарство «Сяолунся» для лечения его внутренних ран.

Кто бы мог подумать, что, едва добравшись до Янчжоу, он окажется втянут в историю с Бессмертной девой Светлой Луны! Врагов почти не нашёл, новостей не разузнал, только и делал, что носился вокруг чужих дел. И ведь неизвестно, как сильно страдает на горе наставник, ожидая его возвращения день за днем...

...Шэнь Кунмин, тайком менявший фамильную нефритовую подвеску у охотника на вино, внезапно вытаращил глаза и трижды чихнул так, что содрогнулись небеса.

— Г-господин, всё в порядке? Не простудились ли вы?

Шэнь Кунмин с кривой усмешкой чмокнул губами:

— Всё нормально, всё нормально. Наверное, это мой бестолковый ученик снова поминает меня добрым словом. — Эх, в его ученике всё было хорошо, вот только иногда он бывал излишне прямолинеен.

Хорошо еще, что удалось отправить его вниз с горы, а то ведь теперь даже выпить в его присутствии не осмелишься, ха-ха.

Фэй Цзинь, который понятия не имел, что наставник ничуть не печалится, а наоборот, ворует вино, с досадой вытащил из-за пазухи маленький блокнотик. Листая его, он пробормотал:

— Я и сам не знаю, куда идти. А ты, Сяо Хун?

Шао Цзюся невозмутимо скользнул взглядом по страничкам, где аккуратным почерком было выведено три строки: «Завтра нужно обидеть больше людей. Запомни, запомни, старайся, старайся». Уголки его губ довольно дернулись. Он уже хотел было ответить, но вдруг повернул голову к воротам двора и сухо приказал:

— Кто там?!

— Это я.

Голос прозвучал раньше, чем показалась фигура. Знакомый женский голос, шелест розовой юбки — вошла Шуцин.

— Госпожа Шу, вы пришли? — Фэй Цзинь поспешно спрятал блокнотик и, приняв серьезный

вид, поздоровался, будто ничего только что не происходило.

Шуцин поначалу и дела не было до того, чем занимаются эти двое, но, заметив виноватое лицо Фэй Цзиня, который выглядел как человек, скрывающий кражу, и вспомнив непристойные сцены, виденные ею в гостевом дворе в прошлый раз, она невольно залилась краской. Разговаривать с ними стало трудно.

Проклятье! Неужели эти мужчины не могут вести себя прилично среди бела дня? Почему они всегда заставляют такую добродетельную девушку, как она, видеть то, что не положено? Желая поскорее с этим покончить, она сунула принесенную вещь в руки Фэй Цзиню, буркнула: «Глава велела передать», — и поспешила ретироваться.

Фэй Цзинь посмотрел на Шао Цзюсяо:

— Госпожа Шу не кажется вам странной?

Шао Цзюсяо ответил невозмутимо:

— Она всегда такая.

— А, ну да.

— И всё же... Чу Жун... что она тебе передала? — Не стоило этого брать. А вдруг там какое-нибудь скрытое оружие или смертельный яд? Только он хотел попросить Фэй Цзиня не брать это голыми руками, как молодой воин Фэй уже зажал предмет двумя пальцами. Это было тонкое приглашение.

Бледно-розовая бумага, украшенная лепестками засушенного персикового цвета — выглядело очень утонченно. Внизу стояла подпись: глава Саньфэнью, Чу Жун. В содержании не было ничего необычного: Чу Жун приглашала Фэй Цзиня посетить Саньфэнью для встречи.

Шао Цзюсяо слегка нахмурился, вглядываясь в строки:

— Я пойду с тобой.

Фэй Цзинь покачал головой:

— Глава Чу сказала, что хочет видеть только меня одного.

— Но если она задумала против тебя что-то недоброе...

— Хм, если бы она хотела убрать меня, ей нужно было бы позвать нас обоих. Иначе, Сяо Хун, ты ведь всё знаешь, что толку убивать только меня? К тому же, мне кажется, что она не такой человек.

Спустя час в главном зале Саньфэнью Фэй Цзинь вновь встретился с Чу Жун.

Он помнил их первую встречу: Чу Жун, величественно восседающая на троне главы, с грозным и властным видом, которому все беспрекословно подчинялись. Она была объектом уважения и обожания всех учеников Саньфэнью и жителей Янчжоу.

Сейчас она сидела на том же месте, но выглядела гораздо более изможденной и уставшей. Девять огромных цветов, что раньше украшали ее голову, исчезли, осталась лишь одна простая серебряная заколка — никаких других украшений.

Фэй Цзинь поклонился и тихим голосом выразил соболезнования. Чу Жун приподняла бровь и удивленно отозвалась:

— Я не скорблю. Меня просто мучает сильный токсикоз, последние дни почти не сплю.

...Никак не ожидал такого ответа.

Он-то думал, что она пребывает в невыносимой тоске, страдает от душевных терзаний, ворочается без сна и жжёт лампу до утра, не в силах уснуть.

Увидев его реакцию, юноша, не сумев сдержать любопытство, спросил:

— Госпожа глава, Чу Цзы — ваш родной ребенок. Неужели вы действительно можете оставаться настолько равнодушной?

Чу Жун внезапно пронзительно посмотрела на него:

— Не могу. Поэтому... как он?

— Что?

— Я не скорблю, потому что прекрасно знаю: Сяо Цзы не умер. Я вызвала тебя, чтобы спросить: как он сейчас?

Фэй Цзинь был ошеломлен. Чу Жун знает, что Чу Цзы жив, знает, что они тоже в курсе этого, и позвала его отдельно лишь для того, чтобы узнать, в порядке ли сын? Небеса... неужели в водах Саньфэньу всё настолько мутно?

Чу Жун, видя его нескрываемое удивление, усмехнулась и покачала головой:

— Как ты уже успел заметить, я не хороший человек. Моя мать, мой муж, моя младшая сестра — многие в этом Саньфэньу отнюдь не святые. Я люблю власть и статус, я стремлюсь к трону, на котором сижу, и отказаться от него я не в силах.

Чу Жун не могла этого сделать: она была полна амбиций, желаний и имела средства для их осуществления. Иначе она не смогла бы повернуть этот обман, выдав Чу Цзы за девочку.

— Но то, что я использовала Сяо Цзы, не означает, что у меня нет к нему чувств.

Конечно, звучит смешно — когда чувства взвешивают на весах, они перестают быть чистыми. Но даже если они нечисты, это не отрицает факта их существования. Чу Жун понимала этого сына лучше, чем он сам предполагал.

Она посмотрела в окно, и на ее лице промелькнула тень воспоминаний:

— Он с детства был очень умен и терпелив. Как бы тяжело ему ни было во время тренировок, он никогда не жаловался на усталость. Хоть внешне он и пошел в отца, но характером Сяо Цзы был гораздо больше похож на меня. Такие люди, как мы, никогда не согласятся жить под чьей-то указкой.

Чу Жун улыбнулась:

— Поэтому, раз уж он решился на такой шаг, я ему уступила.

— А, я понял. В той чашке с женьшеневым чаем, которую вы ему дали, не было яда, и даже если бы господин Чу его выпил, с ним бы ничего не случилось, верно?

Фэй Цзинь наконец разобрался с остатками сомнений в голове. Именно так всё и было — нет, именно так всё и должно было быть! В тот момент Чу Жун вообще не говорила, какой именно яд подсыпала, а Чу Цзы сам решил, что отравка была там, но он не пострадал, потому что не пил. На самом деле Чу Жун вообще его не травил.

Эта мать давно раскусила план Чу Цзы воспользоваться «Искусством дыхания черепахи», чтобы инсценировать смерть и сбежать из Саньфэньу, но всё равно, не подавая виду, помогла ему довести этот план до конца.

Однако Фэй Цзинь не понимал одного:

— Но почему вы ему об этом не сказали? Вы ведь могли напрямую помочь госпоже Чу... ох, то есть господину Чу!

Если бы они объяснились начистоту, Чу Цзы не пришлось бы так разочаровываться в родителях.

Услышав это, Чу Жун покачала головой:

— Молодой воин Фэй, ты не понимаешь. Как бы ни был умен, терпелив и расчетлив Сяо Цзы, в душе он добрый ребенок.

Если бы он обрел свободу благодаря её помощи, его бы до конца жизни грызло чувство вины перед Саньфэньу и перед самой Чу Жун, и он не смог бы спокойно жить той жизнью, о которой мечтал. Лучше уж пусть он думает, что связи с родителями и семьей были разорваны, тогда он сможет уйти, не оглядываясь. Даже если в его сердце останется боль и обида, по крайней мере, странствуя по миру, он не вернется назад из жалости.

Это место никогда не было хорошим, а она и Ван Чаоши — не самые образцовые родители.

Пожалуйста, не оборачивайся.

— Я понял, — Фэй Цзинь опустил голову, глядя на носки своих сапог. Он всё еще не был до конца согласен с такими доводами, но не мог придумать, как сделать лучше, поэтому лишь угрюмо спросил: — Но что теперь будет с вами? Эти люди из Саньфэньу...

Чу Жун подняла руку, прерывая его, и слегка вскинула голову. В её позе проступила былая гордость:

— Не беспокойся. Даже если этот ребенок родится мальчиком, я больше не стану так поступать. Времена изменились, и теперь я крепко держу власть в Саньфэньу.

Это было правдой. Мать и дочь, Чу Вань и Чу И, были пойманы с поличным и изгнаны, старая глава уже отправилась к предкам, а Ван Чаоши не представлял угрозы — к тому же, Фэй Цзинь видел, что тот искренне заботился о жене, чувства между ними всё же были. Что касается других учеников: у кого были амбиции — не хватало способностей, а у кого были способности — те были преданы лишь боевым искусствам. Саньфэньу прочно закрепилось в руках Чу Жун. Иначе «внезапная смерть» Чу Цзы не прошла бы так гладко.

Постойте, чуть не забыл про Юнь Цинцин.

— Глава Чу, пощадите госпожу Юнь, она точно никому ничего не расскажет.

Хотя Фэй Цзинь не понимал, почему, но раз Шао Цзюся сказал, что не расскажет — значит, так и будет.

Чу Жун на мгновение замерла, пытаясь вспомнить, о ком идет речь. Вспомнив Юнь Цинцин, она повела себя весьма странно: казалось, она хотела рассмеяться, но сдержалась. С трудом сохранив невозмутимое выражение лица, она многозначительно махнула рукой:

— Она сама решит свои проблемы.

Значит, она её пощадила? Фэй Цзинь остался очень доволен. Он радостно попрощался с Чу Жун, пообещав, что если встретит Чу Цзы, то расскажет ему правду и предложит тайно навещать семью, когда выдастся свободная минутка.

Конечно, этот пылкий порыв был тут же отвергнут Чу Жун. Ей достаточно было знать, что Чу Цзы счастлив, остальное было лишним.

Проводив Фэй Цзиня взглядом, Чу Жун посмотрела на обычный топор у него на поясе. В её глазах промелькнуло сомнение, и, когда парень уже переступил порог, она окликнула его:

— Постой, молодой воин Фэй, можно задать тебе вопрос?

— А? Спрашивайте.

— Можешь сказать, где ты изучил свою «технику владения мечом»?

Задавая этот вопрос, Чу Жун неотрывно смотрела на юношу, её руки бессознательно сжимали подлокотники кресла — она заметно нервничала.

Фэй Цзинь в недоумении почесал затылок:

— Наставник научил, конечно. А что за вопрос такой?

— Как имя и фамилия твоего наставника?

— Моего наставника зовут... э-э... погодите-ка, а как зовут наставника?

Фэй Цзинь наклонил голову, пытаясь вспомнить, и с удивлением осознал, что за двадцать лет ни разу не спрашивал имени учителя, да и тот сам не говорил. В конце концов, наставник есть наставник, не всё ли равно, как его зовут?

Чу Жун, затаив дыхание, долго ждала ответа, а услышав такое, почувствовала неприятный осадок, в её взгляде читалось многое недосказанное. Фэй Цзинь же почувствовал, что на него смотрят с пристальным вниманием, и поспешно заверил:

— В следующий раз вернусь, спрошу его и приду расскажу вам!

Красивая женщина средних лет на мгновение умолкла, а потом вдруг рассмеялась, словно отпустив что-то тяжелое. Она покачала головой и заботливо напутствовала:

— Не стоит, молодой воин Фэй. Но прошу тебя, странствуя по Цзянху, будь предельно осторожен. Лучше не доверяй никому чрезмерно, включая... словом, будь осторожен.

Фэй Цзинь не до конца понял смысл слов Чу Жун. Хотя он спустился с горы совсем недавно, ему казалось, что люди внизу хоть и странные, но в большинстве своем довольно неплохие и милые.

«О, точно, чуть не забыл про главное — лекарство «Сяолунся». Чу Жун — глава крупнейшего клана Янчжоу, возможно, у неё есть какие-то зацепки?»

Это помогло бы решить, куда двигаться дальше.

Он тут же выложил вопрос о местонахождении «Сяолунся». Чу Жун отреагировала еще более странно: понизив голос, она переспросила:

— Зачем тебе это?

— Лечить внутренние раны, это ведь чудодейственное лекарство, — прямо ответил Фэй Цзинь.

Наступила долгая пауза, прежде чем она медленно произнесла с явным усилием:

— «Сяолунся»... если за эти годы права на него не перешли к кому-то другому, оно должно оставаться у Цзян Ихэня.

Фэй Цзинь, естественно переспросил:

— А кто такой Цзян Ихэнь?

Имя какое-то странное, звучит так жалобно.

Чу Жун выгнула бровь, крайне удивленная:

— Ты не знаешь Цзян Ихэня?

— М-м, нет. В историях, что рассказывал наставник, его не было. Он что, очень силен?

Чу Жун, привыкшая смотреть на всех свысока и ни в чем не уступающая мужчинам, криво усмехнулась:

— «Силен»? Он... он бывший лидер боевых искусств Поднебесной, предводитель праведных сил Цзянху, хотя уже много лет как отошел от дел. Молодой воин Фэй, поищи другое лекарство. Не ищи «Сяолунся» и, ради всего святого, не ищи Цзян Ихэня.

Она даже спустилась с трона, подошла к Фэй Цзиню и внушительно добавила:

— Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не ищи его! Если встретишь его — обходи стороной, чем дальше, тем лучше. Потому что этот человек...

Фэй Цзинь слушал с огромным интересом и нетерпеливо подгонял её:

— Ну и что с этим человеком?

Но Чу Жун отказалась продолжать, плотно сжала губы и, отпив чаю, дала понять, что аудиенция окончена. Как бы Фэй Цзинь ни расспрашивал, она молчала. Ему пришлось разочарованно уйти, то и дело оглядываясь в надежде, что глава передумает и доскажет историю.

Окружающие, видя это, решили, что у него какие-то непристойные виды на госпожу главу Чу, и одарили его странными взглядами.

А юноша, которого снедало нетерпение и жгучее любопытство, помчался обратно в гостиницу. Ему не терпелось увидеть своего «хорошего друга», мастера Сяо Хуна, ведь он был уверен, что Сяо Хун всё знает и наверняка согласится рассказать историю Цзян Ихэня.

По пути, из-за того что он не использовал Кристалл Яньцзин, он умудрился трижды свернуть не туда.

Однако сегодня ему было суждено разочароваться. Гостиница «Золотой прииск» всё та же, хозяин всё тот же, комната всё та же, но в комнате Шао Цзюся было пусто.

Ни проблеска яркого красного цвета, ни изящного меча Беспутства. Лишь легкий ветерок, принесший тепло наступившего лета, врвался в открытое окно.

— Хозяин, где Сяо Хун? Ну, гость из этой комнаты, куда он подевался?

Хозяин гостиницы с постным лицом обессиленно ответил:

— Выписался и ушел.

И всё же этот «злой дух» никуда не делся! Бедный торговец уже махнул на всё рукой, войдя в состояние «денег нет, берите жизнь, только покончите с этим поскорее». В конце концов, пока господин Фэй не уйдет, другие постояльцы всё равно не придут. Сердце хозяина было разбито. О, какое бедствие!

Фэй Цзинь не понял:

— Куда он ушел?

Хозяин уставился на него и огрызнулся:

— У меня тут гостиница, люди приходят со всех сторон света, чтобы передохнуть, каждый день столько народу, откуда мне знать, кто куда идет? Не знаю, знать не хочу, не мое дело следить за чужими ногами, пусть хоть на край света валят.

— Ох.

Это и есть те самые «встречи и расставания без расписания», о которых говорят в народе? Фэй Цзинь слышал, что все люди Цзянху таковы, но Сяо Хун был первым другом, который хотел с ним разговаривать и сопровождал в любых невзгодах. Уйти вот так, не попрощавшись — это всё равно было грустно.

— А я ведь даже не успел сделать его своим «врагом»... мы так и не сразились, как жаль.

Надеюсь, судьба еще сведет нас.

Он молча выложил на стол перед хозяином огромную сумму серебряных банкнот и уныло произнес:

— Ладно, я тоже выписываюсь.

Мужчина, который секунду назад выглядел полуживым, вдруг просиял, подпрыгнул и радостно

проводил Фэй Цзиня:

— Не нужно, не нужно, как можно брать деньги с вашего величества? Пожалуйста, сюда, осторожнее с порогом!

«Уходи скорее и не возвращайся», — мысленно добавил хозяин.

Фэй Цзинь покачал головой:

— Нет, так нельзя. Наставник учил: за еду и ночлег нужно платить, иначе нарушаешь правила.

Он погладил свой «меч» на поясе, подумав, что это всё равно что выходить на поединок без оружия — невежливо.

Хозяин в ужасе отпрянул, глядя на топор, и взмолился. Слышал про тех, кто угрозами отбирает деньги, но чтобы угрожали, заставляя принять деньги — такое впервые.

— Ладно, ладно, возьму!

Когда Фэй Цзинь ушел, хозяин вертел в руках банкноту в сто лянов, не зная, радоваться или плакать... Может, это никакой не грозный разбойник, а просто «дурачок» из богатой семьи?

Хм, определенно, не стоит говорить ему, что господин по фамилии Шао уже оплатил номер. Хе-хе.

— Точно, хозяин, не подскажешь, есть ли поблизости от Янчжоу еще большие города?

В дверях показалась голова Фэй Цзиня, который искренне смотрел на него (точнее, на бухгалтерские счета рядом). Хотя Чу Жун предостерегала его от поисков Цзян Ихэня, Сяо Хун ушел, и он не знал, где тот находится, но в большом городе наверняка можно что-то разузнать.

Да и в больших городах наверняка полно людей Цзянху — там можно будет нажить себе уйму врагов!

Хозяин, едва не подпрыгнувший до потолка от счастья, заикаясь, ответил:

— Ближайший — Цзиньлин!

Простите, братья из Цзиньлина, в следующий раз, если кто-то из ваших остановится у меня, поселю бесплатно.

— О, спасибо!

Фэй Цзинь снова бросил банкноту.

...Всё больше походит на транжиру.

Тем временем старик-хозяин пересчитывал банкноты, и сердце его пело от радости.

Оставив гостиницу, Фэй Цзинь хотел было нанять повозку до Цзиньлина, но кучера, едва завидев его, катались по земле, вопя, и в ужасе расползались прочь. Никто не хотел брать такой заказ. Молодой воин Фэй, не понимая причин, решил мерить землю своими ногами.

Поскольку он впервые спустился с горы, он не знал расстояний и, плохо видя, просто упорно

шел вперед. Есть дорога — идет по дороге, нет дороги — срубит дерево и идет дальше, попутно тренируя технику меча. Очень разумно.

Он шел уже полдня, местность становилась всё более дикой, путников почти не было, лишь птицы и насекомые звенели в траве, да ветер шумел в листве.

Хм, подозрительно ритмичный шорох.

Словно... словно кто-то спрятался в траве и преследует его, пробираясь по пустоши.

На самом деле, это не у Фэй Цзиня был такой тонкий слух — хотя слух у него действительно был острым, — просто тот, кто следил за ним, делал это так небрежно, будто кричал: «Смотри, я здесь, догоняй меня скорее!». Еще немного, и он запел бы народную песню.

Проходившие мимо путники с недоумением смотрели на этого типа, прячущегося в траве столь неумело, но Фэй Цзинь, который не видел ни того, кто прячется, ни взглядов прохожих, просто усердно шагал.

Даже если он слышал, он, молодой воин Фэй, принципиально не собирался смотреть в ту сторону. Почему? Может, боялся, что в траве зомби? Или просто не думал, что преследователь охотится именно за ним?

В любом случае, тот человек открыто шёл следом всю дорогу, а молодой воин Фэй просто шагал, не обращая на это внимания.

В конце концов, преследователь не выдержал, выскочил наружу и гаркнул:

— Эй, ты что, не заметил, что я иду за тобой?!

— А, это ты... госпожа Чу?

Он-то думал, это Сяо Хун.

— Госпожа тебе в печень! Глаза протри, я — мужчина, настоящий мужик!

Фэй Цзинь сказал «О» и озадаченно подумал: он помнил, что Чу Цзы мужчина, но вопрос в другом... это ярко-зеленое нечто перед ним... это же юбка, да?

От переводчика: